

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РСО-А ОБ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

Е. А. Дзадзиева

Статья посвящена анализу письменных источников по охране памятников культуры из фондов Национального музея Республики Северная Осетия-Алания, рассматриваемых в контексте общероссийских и республиканских законодательных актов и решений, и практической деятельности по их реализации в республике в первой половине XX в. Приведенная в статье характеристика источников по данной проблематике есть лишь первое приближение к научной обработке и репрезентации хранящегося в научном архиве Национального музея солидного массива не систематизированных и не публиковавшихся ранее материалов, представленных официальными документами, материалами музеографического характера и источниками личного происхождения. Дальнейшая публикация и введение в научный оборот богатого фактологического материала из письменных фондов музея позволит значительно расширить исследовательское поле как в области историко-культурного развития республики в целом, так и истории музейного дела в частности. Особый интерес представляет изучение музейного мира республики сквозь призму персоналий.

Ключевые слова: охрана объектов культурного наследия, письменные источники Национального музея РСО-А, законодательные акты, источники личного происхождения, научные экспедиции по учету и реставрации.

Понимание необходимости сохранения для потомков историко-культурного наследия, его охраны и последующего изучения складывалось в российском обществе постепенно. Начало формирования представлений о значимости различного рода коллекций, памятников истории и культуры приходится на вторую половину XVIII в., хотя истоки интереса к собирательству и увековечению исторических событий, в частности военных побед, относятся к петровской эпохе, принципиально изменившей общественные унастроения и культурную атмосферу в стране.

Окончательное осознание того, что памятники искусства и старины являются достоянием всего народа, требуют государственной заботы и охраны и могут быть использованы в широких просветительских целях, относится к началу XX в. Результатом сформировавшегося в обществе и активно поддерживаемого творческой интеллигенцией интереса к культурному на-

следию в начале XX в. стали многочисленные публикации об отдельных коллекциях, памятниках и музеях. С 1907 по 1916 гг. для историков искусства и любителей старины издавался журнал «Старые годы» (редактор-издатель П. П. Вейнер), на страницах которого большое внимание уделялось в том числе и вопросам охраны исторических памятников.

Протекционистскую политику по отношению к культурному наследию проводило и государство, в частности по отношению к музеям, оказывая определенную финансовую поддержку и выступая в отдельных случаях инициатором их создания. Но несмотря на все прилагаемые научной и творческой интеллигенцией усилия, до октября 1917 г. в стране не существовало ни специального ведомства по охране культурного наследия, ни соответствующего законодательства. В 1911 г. Министерством внутренних дел было разработано «Положение об охране древностей». Еще ранее Москов-

ским археологическим обществом был предложен проект общего закона об охране памятников, но ни тот, ни другой законодательные акты утверждены не были.

Проблема сохранения культурного наследия в основном была решена уже после октября 1917 г. новой политической властью, а точнее – совместными усилиями новой власти и «старой» интеллигенции, значительная часть которой пошла на сотрудничество с представителями властных структур, ставя дело сохранения культурного наследия выше политических интересов.

Формирование государственной системы охраны памятников в стране стало составной частью широкомасштабных преобразований в области культурного строительства, включающих создание системы народного образования и просвещения, формирование советской культуры и утверждение государственной марксистско-ленинской идеологии. Первым актом новой власти в области охраны памятников истории и культуры, пожалуй, можно считать назначение 7 ноября 1917 г. членов Петроградского военно-революционного комитета Б.Д. Мендельбаума и Г.С. Ятманова комиссарами по защите музейных и художественных коллекций [1, 1]. Решающую роль в сохранении культурного наследия, по мнению специалистов, сыграли создаваемые в Петрограде и Москве для регистрации и охраны художественно-исторических ценностей художественно-исторические комиссии Зимнего дворца, Царского села, Гатчины и др. В общей сложности в комиссиях работало не более 18 человек, но в их состав входили крупные ученые, искусствоведы и музейные деятели, такие как В.А. Верещагин, Г.К. Лукомский, А.А. Половцев, П.П. Вейнер, Н.Г. Пиотровский, Б.А. Надеждин и др.

До весны 1918 г. делом охраны памятников в РСФСР занимались два ведомства – Народный комиссариат просвещения и Народный комиссариат имуществ. Весной

1918 г. при Наркомате просвещения был создан единый орган управления – отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Соответствующие подотделы создавались при отделах Народного образования на местах. С 1918 по 1927 гг. отдел по делам музеев и охраны памятников возглавляла профессиональная революционерка Н.И. Троцкая. Активное участие в работе отдела принимали многие видные деятели культуры: Н.Э. Грабарь, П.П. Мурашов, Н.Г. Машковцев, В.А. Городовцев и др.

За первые годы советской власти ВЦИК и СНК республики было принято более 20 декретов и распоряжений, заложивших основу государственной системы учета и охраны историко-культурного наследия страны. Наряду с ленинским планом монументальной пропаганды, рассматривающим монументальное искусство как эффективное средство просвещения и коммунистического воспитания масс [2, 372], основу реализации планов новой власти в области учета и охраны памятников истории и культуры составили декреты «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработки проектов памятников Российской Социалистической Республики» (12 апреля 1918 г.), «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов искусства и старины» (19 сентября 1918 г.), «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины...» (5 октября 1918 г.), «Об изъятии церковного имущества» (16 сентября 1921 г.), «О сохранности археологических памятников» (7 января 1924 г.) и многие другие, предусматривающие творческое восприятие, наследование и охрану памятников старины и лучших образцов мировой культуры. Художественные ценности впервые были взяты под государственную охрану, началась регистрация произведений искусства и составление научных каталогов.

Нельзя обойти молчанием тот факт, что мероприятия новой власти в области

учета и охраны культурного наследия в целом и концепция ленинской монументальной пропаганды как система мер не в последнюю очередь были направлены на утверждение классовой марксистско-ленинской идеологии и, как следствие, имели достаточно противоречивый характер. Под «лучшими образцами» мировой культуры не всегда понимались произведения, имеющие подлинную художественную ценность. Сносу подлежали памятники, содержание которых не соответствовало идеологическим установкам советской власти, имела место распродажа музейных коллекций с целью выручить средства на индустриализацию страны и борьбу с голодом. В рамках развернувшейся на рубеже 20-30-х гг. широкомасштабной антирелигиозной кампании в массовом порядке закрывались и уничтожались храмы и соборы, имеющие подлинную историческую и архитектурно-художественную ценность. Не избежало потерь и архитектурно-художественное пространство г. Владикавказа, утратившего более 20 уникальных памятников культовой архитектуры.

На Северном Кавказе и непосредственно в Северной Осетии планомерное претворение в жизнь правительственных решений в области охраны культурного наследия стало возможным только с начала 20-х гг. XX в. после образования Горской республики, хотя меры по сохранению исторических и художественных ценностей были приняты еще Советом Народных комиссаров Терской Народной республики.

Отметим наличие интересного документа, свидетельствующего об охране памятников старины в Терской области до октября 1917 г. 13 января 1915 г. в Реестр обществ Терской области определением областного по делам обществ присутствия был внесен Устав общества защиты и сохранения памятников искусства и старины. Цель общества состояла в охране памятников Терской области, имеющих художественное, бытовое и историческое

значение, и в их защите от разрушения и искажения. Примечательно, что наряду с целым рядом вопросов, связанных со сбором сведений о памятниках и устройством выставок, публичных чтений, театрализованных представлений и концертов с целью знакомства общественности с памятниками искусства и старины и сбором пожертвований на их содержание, в задачи общества входило «открытие показательных мастерских живописи, ваяния с целью улучшения выработки кустарных изделий туземных мастеров и знакомства кустарей с лучшими образчиками народного творчества» [3, 1-2].

При установлении советской власти на Тереке правительством Терской Народной республики в сентябре 1918 г. была образована особая комиссия по охране культурных ценностей г. Владикавказа под председательством Д. В. Раковича. Членами комиссии состояли М. П. Преображенская и В. П. Пожидаев [4, 28]. В опубликованном осенью 1918 г. воззвании «К гражданам Владикавказа и народам Терской области» в частности говорилось: «...Отныне все культурно-художественные и исторические ценности» берутся «под особое покровительство и защиту» Народного Комиссариата просвещения Терской республики совместно с созданными органами народного образования на местах. Постановлением СНК Терской республики от 17 октября 1918 г. в ведение Народного Комиссариата просвещения передавался и Терский областной музей, существующий во Владикавказе с 1893 г. [5, 58].

В начале 20-х гг. во Владикавказском отделе Народного образования Терского областного революционного комитета (заведующий отделом Б. Е. Етингоф) был образован подотдел охраны и изучения памятников истории и старины, в состав которого входили музейная и экскурсионная секции [6, 49об.]. Изучением и охраной памятников историко-культурного наследия наряду подотделом занимались также

Северо-Кавказский институт краеведения, существовавший в городе до 1927 г., и Осетинское историко-филологическое общество – единственное на момент основания (1919 г.) научное сообщество на Северном Кавказе, на основе которого в 1924 г. был создан Северо-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения (ныне СОИГСИ им. В. И. Абаева).

После преобразования Владикавказского (Осетинского) округа в составе Горской республики в Северо-Осетинскую автономную область (7 июля 1924 г.) Областным исполнительным комитетом 26 марта 1926 г. было принято постановление «Об охране памятников искусства, старины и природы», в котором говорилось: «В целях охраны, изучения и возможно полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства, старины и природы, находящимися на территории Северо-Осетинской автономной области, на основании декретов Совнаркома и ВЦИК от 5 октября 1918 г., 16 сентября 1921 г., 7 января 1924 г. всем окружным исполкомам и сельским советам СОАО предлагается принять энергичные и действенные меры по неуклонному соблюдению ниже следующего порядка учета и хранения памятников искусства, старины и природы». Перечень требуемых постановлением мер включал регистрацию и учет всех монументальных и вещественных памятников, имеющих бытовое, научное, историческое и художественное значение; содействие собственникам в охране взятых на учет памятников и отчуждений последних в ведение государственных органов в случае несоблюдения мер охраны или правил хранения; сохранение и целостность археологических памятников (городищ, курганов, стоянок) и организацию археологических раскопок исключительно на основании открытых листов; создание неприкосновенных памятников природы (заповедных зон). Все работы по регистрации и выявлению памятников, подлежащих учету, включая выдачу открытых листов

на археологические раскопки, возлагались на Северо-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения [7, 1-5].

Данное постановление Северо-Осетинского облисполкома повторно было опубликовано 4 февраля 1934 г. Органами, ответственными за выявление, учет и сохранность культурного наследия, назначались Областной исполнительный комитет и Северо-Осетинский областной музей [8, 6-10].

Отметим, что еще до указанного постановления 20 августа 1932 г. ВЦИК и СНК РСФСР в связи с нарушениями действующего законодательства по охране памятников было принято постановление, запрещающее самовольную переделку и снос памятников государственного значения без разрешения на то Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК, а в отношении памятников местного значения – без разрешения Народных комиссариатов просвещения автономных республик или краевых и областных отделов народного образования. В случае сноса или переделки исторического памятника по согласованию с ведомственными структурами исторический объект подлежал обязательной научной фиксации – фотографированию, обмеру и описанию. Использование исторических зданий могло осуществляться исключительно на основе договоров аренды и принятия арендаторами расходов по охране и ремонту соответствующих объектов. Заключение арендных договоров сроком не позднее 1 октября 1933 г. было возложено на комиссариаты просвещения и отделы народного образования. Постановление также обязывало ведомственные структуры в трехмесячный срок подготовить и утвердить список подлежащих охране памятников государственного и местного значения и обеспечить при утверждении годовых бюджетов отпуск необходимых средств на ремонт исторических памятников [9, 1].

Доступные автору статьи письменные источники относятся уже ко второй

половине 30-х годов, но и они свидетельствуют о сохраняющихся трудностях и нерешенности актуальных для первой половины 30-х гг. проблем по охране памятников истории и культуры. Так, в частности, в ответ на циркулярный запрос от 16 июля 1938 г. №70084 начальника музейно-краеведческого отдела Народного комиссариата просвещения РСФСР Редус-Зенковича директор музея Дзугаев 10 октября 1938 г. сообщает, что работа по учету и охране памятников в республике осуществлена не полностью, а сдаваемых в аренду объектов старины не существовало и не существует. Что касается ремонтно-реставрационных работ, в письме приводятся сведения о реставрации памятника деревянной архитектуры – древнего осетинского святилища Реком в Цейском ущелье, проведенной под руководством археолога Е. Г. Пчелиной и художника-архитектора И. П. Щерблыкина в 1936 г.; Сообщается также, что в связи с решением об открытии в г. Орджоникидзе Музея С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе текущие ремонтные работы ведутся в доме, где жил Киров, и в помещении редакции газеты «Терек», где он работал; а также в Суннитской мечети, где по окончании ремонта будет развернут Республиканский антирелигиозный музей [9, 9].

Отдельные сведения о реставрации святилища Реком можно найти и в письме Е. Г. Пчелиной от 14 апреля 1936 г., адресованном из Москвы в администрацию музея. Не будем приводить полностью содержание письма, хотя оно того и заслуживает. В основном в письме речь идет о трудностях возвращения археологических коллекций с раскопок, проведенных Е. Г. Пчелиной в республике в 1928-1929 гг., и находящихся после их научной обработки и консервации в Государственном историческом музее [10]. Интерес представляет и опись переданных в музей фотоснимков, составленная И. П. Щерблыкиным, на которых запечатлены проект

реставрации святилища Реком и рабочие моменты реставрации, участники ремонтно-реставрационных работ, в том числе сам Щерблыкин и дзуар-лаг Х. Басиев, а также святилища Реком и Майрам-дзуары до и после реставрации. Перечень включает и множество фотографий различных историко-культурных объектов республики и снимков-зарисовок этнографического характера, сделанных Щерблыкиным до 1937 г., в том числе и в дооктябрьский период [11].

Отметим, что святилище Реком было принято на государственную охрану постановлением Президиума ВЦИК от 20 марта 1935 г., и в списке памятников революции, истории, культуры и искусства, стоящих на учете централизованной государственной охраны, числилось под №481 [9, 43]. В 1936 г. постановлением Правительства РСФСР территория святилища была признана заповедной зоной с древнейшим культовым комплексом, включающим само святилище, два Майрам-дзуара, священную рощу и священные родник, камень и дерево [12, 55].

В мае 1939 г. Управление по делам искусств СОАССР и дирекция музея обращаются в Совет Народных комиссаров республики с докладной запиской, в которой подчеркивается, что помимо древнейшего святилища Реком, которое является памятником всесоюзного значения и с 1935 г. состоит на государственной охране, в республике – в основном в ее горной полосе – существует целый ряд таких ценнейших объектов старины, как Даргавский, Конийский, Санибанский, Фаснальский и многие другие архитектурные комплексы, которые «не только не охраняются, но и подвергаются злостному разграблению и разрушению». В качестве примера в докладной записке приводится погребальный комплекс в с. Мацута, который практически уничтожен, а строительный материал склепов использован при постройке «некоего кооператива» [12, 55]. Не исключено, что в ответ в том числе и на данное

обращение 28 мая 1939 г. СНК республики было принято постановление за №16 «Об учете и охране памятников, находящихся на территории Северо-Осетинской республики». Решением Совета Народных комиссаров работа Наркомата просвещения и районных исполнительных комитетов – ответственных ведомственных структур, обеспечивающих непосредственный контроль и наблюдение за охраной исторических памятников, – была признана крайне неудовлетворительной. Председатели райисполкомов обязаны были не позднее 20 июля 1939 г. представить в Совет Народных комиссаров письменные отчеты о мерах охраны исторических памятников на вверенной им территории. В обязанности Республиканского музея вменялось закончить работу по учету памятников и не позднее 10 июля 1939 г. представить в Совет Народных комиссаров списки объектов союзного и местного значения, учетные карточки на каждый объект и смету на его восстановление. В свою очередь комиссариатам финансов и просвещения при рассмотрении бюджетов на 1939 г. необходимо было предусмотреть расходы на означенные цели по бюджету Комиссариата просвещения [9, 10].

В архиве музея хранится несколько более поздний, датированный 4 августа 1939 г., проект постановления СНК, который, расширяя круг ответственных ведомств, содержит дополнительные требования не только по учету и сохранности, но и пропаганде культурного наследия. Так, список памятников, подлежащих охране и реставрации, составленный Республиканским музеем при активном участии Северо-Осетинского научно-исследовательского института и Управления по делам искусств СОАССР, должен носить «подробный и дифференцированный в научном разрезе характер». Помимо научного перечня исторических объектов сотрудникам СОНИИ и музея необходимо было составить карту и уже упоминавшуюся картотеку по историческим памятни-

кам республики, а Управлению по делам искусств совместно с Республиканским музеем установить на учтенных памятниках исторического значения памятные доски с обозначением ценности данного объекта. В проекте была оговорена и необходимость систематического освещения в печати историко-культурного значения республиканских памятников. Не остался без должного внимания и факт разрушения средневекового погребального комплекса – Мацута. Управлению по делам искусств было поручено рассмотреть дело о его самовольном разрушении и поставить соответствующий вопрос на обсуждение СНК республики не позднее 1 февраля 1940 г. [12, 56]

Принятые всероссийские законодательные акты и решения СНК республики значительно активизировали работу по учету и сохранности исторических памятников Северной Осетии. Летом 1939 г. республиканским музеем была организована экспедиция с целью учета и анализа сохранности и охраны историко-культурных объектов. «Для выполнения решений СНК СОАССР от 26 мая 1939 г. вместе с археологом Е. Пчелиной, – пишет директор С. Колиев, – объездили всю плоскостную полосу Орджоникидзевского, Алагирского, Ардонского, Дигорского и Ирафского районов; и лично – горную полосу – наиболее богатую памятниками». По результатам экспедиции общее состояние исторических объектов и мер по их охране со стороны местных советских и партийных организаций оценивалось как «из рук вон плохое». «Разрушаемых и разрушенных памятников слишком много. На восстановление не хватит ни сил, ни средств», – пишет Колиев в отчетном докладе, представленном в СНК республики. При анализе причин сложившейся ситуации в докладе подчеркивается, что памятники разрушаются не только под воздействием природных условий. Значительную угрозу на протяжении 150 лет представляет продолжающееся их «хищническое ра-

зорение и грабеж». В докладе приводятся отдельные фамилии, «нажившие за счет грабежа могильников целые состояния». Разрушения происходят и в результате «не совсем правильно понятой антирелигиозной пропаганды», – пишет Колиев и приводит в качестве примера старинные часы на крепостной ограде Алагирского собора, «сбитые камнями молодыми атеистами-комсомольцами в порядке борьбы с остатками религиозного дурмана».

Учитывая масштабы предстоящих ремонтно-реставрационных работ, автор доклада полагает возможным их поэтапное проведение. «Задача сегодняшнего дня, – отмечает Колиев, – наметить несколько объектов особо ценных каждого вида и времени и реставрировать их, сохранившиеся в хорошем состоянии – подправить. Эти работы выполнить в 1940 г., а для последующих работ – определения характера ремонта и реставрации, составление смет и т.д. – пригласить специалистов Комитета по охране памятников при ЦИК СССР». Из содержания доклада следует, что по личной инициативе директора музея за историко-культурными объектами по различным ущельям республики в качестве неотложных мер охраны были закреплены сторожа – жители близлежащих населенных пунктов [9, 12-15].

В августе 1939 г. договоренность с конкретными лицами по охране памятников на территории Задалеско-Ханезского, Махческого, Камунтского, Гуларского, Донифарского, Хидикус-Далагкауского, Зарамагского, Тибского, Закинского, Нарского сельских советов и по участку от Буруна до Мамисонского перевала была оформлена соответствующими трудовыми соглашениями [10, 4, 6, 8, 10]. Тогда же для лиц, ответственных за охрану памятников, была разработана и специальная инструкция.

Подготовленный музеем в ходе летней полевой работы перечень историко-культурных памятников, включающий 193 папортизованных и систематизированных

объекта, среди которых 10 обозначались как памятники мирового, 80 – всесоюзного и 103 – местного значения, был утвержден СНК республики постановлением от 26 сентября 1939 г. за №29. (Напомним, что речь шла исключительно о памятниках гражданской и культовой средневековой горской архитектуры. Даже более поздние перечни историко-культурных объектов республики, как правило, дополнительно включали только памятник на Братской могиле семнадцати тысячам красноармейцев и иногда музей-квартиру С.М. Кирова.) Этим же постановлением была утверждена смета предстоящих первоочередных ремонтно-реставрационных работ в сумме 8000 рублей (вместо представленной музеем суммы необходимых затрат в 17000 рублей).

Реставрацию и капитальный ремонт особо важных памятников решено было отложить на 1940 г., предварительно обратившись в музейный отдел Народного Комиссариата просвещения РСФСР с просьбой направить в республику специалистов для определения требуемых ремонтно-реставрационных работ, финансовых затрат и строительных материалов; расходы же по реставрации 10 объектов, систематизированных как памятники мирового значения (в их числе: могильник в с. Кобань, каменные погребальные ящики I тыс. до н.э. и чашечный камень в Куртатинском ущелье, древнейшие погребения на территории Алагирского района, а также святилища Реком и Майрам-Дзуар), просить СНК РСФСР взять на себя. Постановлением СНК республики от 26 сентября 1939 г. были утверждены и восемь платных штатных единиц по охране памятников в ущельях Северной Осетии: в Алагирском ущелье в районе Мамисон – Зарамаг – Нар – Заки и в районе н.п. Садон; в Санибанском ущелье в районе Цми – Ларс; в Даргавском ущелье в районе н.п. Кобань; в Дигорском ущелье в районе Стыр Дигора – Донифарс, а также на территории Ханаз – Задалеск – Махческ – Галиат; в Куртатинском ущелье

– по ущелью в целом и отдельно по святылищу Реком [9, 21, 22].

Начало ремонтно-реставрационных работ относится к осени 1939 г. 17 сентября 1939 г. администрация музея обращается с письмом лично к Председателю СНК республики К. Д. Кулову с просьбой выделить необходимые строительные материалы и средства передвижения: «Республиканский музей краеведения согласно постановлению СНК от 26 сентября 1939 г. за №29 приступает в горной полосе к ремонту намеченных в плане исторических памятников, для чего потребуется лесоматериал в Дигорском ущелье – 15 куб.м, в Алагирском – 12 куб.м, в Куртатинском – 8 куб.м и в Даргкохском – 15 куб.м. Кроме того, необходимо распоряжение для всех РИКов о том, чтобы для работников музея и производства работ по ремонту сельские советы отпускали за наличный расчет верховых лошадей и подводы для подвозки материалов. А потому прошу дать распоряжение в Наркомпрос об отпуске лесоматериала из лесов местного значения, а в РИКи об отпуске средств передвижения. Директор музея С. Колиев» [12, 11].

В архиве Национального музея Республики Северная Осетия-Алания хранятся многочисленные письменные источники – списки, сметы на проведенные в 1939 г. ремонтно-реставрационные работы в горной полосе республики [9].

К сожалению, реализовать полностью намеченные планы не позволила начавшаяся Великая Отечественная война. Но работа по учету и сохранности объектов историко-культурного наследия, несмотря на все трудности, была продолжена и в военное время.

Прежде чем речь пойдет об организованных музеем с 1942 г. и до окончания войны экспедиций в горной полосе республики, обратимся еще к одному довоенному, чрезвычайно интересному, на наш взгляд, и не утратившему своей актуальности и сегодня документу – постановлению СНК республики от 21 марта

1941 г. за №234 «Об изучении и творческом освоении осетинской архитектуры». В постановлении отмечалось, что сложившаяся в глубокой древности осетинская архитектура представляет собой замечательные образцы народного творчества. Являясь богатейшим национальным наследием, она остается неизученной и, как следствие, не находит творческого применения в создании национальной архитектуры в современном стиле. На основании постановления летом 1941 г. Северо-Осетинскому отделению Союза архитекторов, Научно-исследовательскому институту и Республиканскому музею предстояло организовать и провести в горной полосе республики совместную экспедицию с целью комплексной характеристики памятников национальной архитектуры, а Союзу архитекторов творчески переработать весь собранный экспедицией материал с тем, чтобы использовать различные элементы национальной архитектуры в проектировании и строительстве. Уже в 1941 г. Союзу архитекторов республики предстояло издание книги по национальной осетинской архитектуре и иллюстрированного альбома отдельных элементов внутренней отделки административных и жилых зданий с критическим использованием мотивов осетинского народного искусства. В национальном стиле рекомендовалось выполнить внутреннюю отделку строящегося Дома Советов, оформить интерьер нового здания Педагогического института, краеведческого и художественного музеев. Проектирующим организациям в их практической работе рекомендовалось наряду с творческим применением национальной архитектуры активно использовать и многообразие местных строительных материалов. Широкое внедрение мотивов национального искусства и осетинского национального орнамента предусматривалось в мебельном и ковровом производствах, изготовлении предметов бытового обслуживания. На проведение работ по изучению и критическому освоению архитектурно-

го наследия была выделена сумма 50 тыс. рублей, а ответственность за исполнение работ возложена на Народный Комиссариат просвещения в лице тов. Олисаева и республиканского архитектора тов. Бесолова [10, 17-18].

В военное время большая работа по учету и описанию архитектурных памятников горной полосы была проведена инспектором по охране памятников Управления по делам искусств СОАССР, позже заместителем директора музея по науке Г.В. Бицаевым. Составленная им дополнительная инструкция для лиц, осуществляющих непосредственную охрану памятников, включала обязательный периодический обход охраняемого участка, ежемесячное – к 25-му числу – представление в музей сведений о состоянии охраняемых объектов и составление акта в случае имеющихся нарушений и повреждений, а также разъяснительную работу среди населения о значимости архитектурных объектов как историко-культурного наследия. Бицаеву принадлежит и разработка формы учетной карточки на памятники старины [10, 31, 51].

Но особого внимания заслуживает его собственная полевая работа по регистрации и описанию памятников горной полосы. 12 октября 1942 г. – еще до начала Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительной операции – Бицаев выехал в командировку в Махчешский район, в ходе которой в течении почти месяца им было описано 120 памятников на территории десяти сел. Вернулся он во Владикавказ 16 ноября 1942 г. уже через горные перевалы Садонского и Гизельдонского районов, частично описав, несмотря на многочисленные военные посты и погодные условия поздней осени в горах, существующие на территории этих районов объекты. Предпринятое обследование в целом осталось незаконченным, а дальнейшая работа «без всякого на то основания», как пишет Бицаев, была запрещена уполномоченным НКВД Мамсуровым несмотря

на все предъявленные документы: пропуск райвоенкомата, справку о занимаемой должности, справку наркомпроса с предложением всем району оказывать предъявителю содействие на местах и др. [10, 34-35] Вот как описывает этот досадный инцидент сам Бицаев: «1-го ноября закончил работу в с. Донифарс, направился в с. Фаснал в 13-км от Донифарса, где находится РайОНО. Тропинка ведет через районный центр Мацута. Дойдя до моста через р. Урух, немного выше Мацута военный контрольный пост у моста, видя папку с документами, доставил в штаб гарнизона Мацута. Вошел уполномоченный НКВД Мамсуров и папку передали ему... И лишь третьего числа вернули документы, но без папки...» [10, 15-15 об.] Все попытки убедить уполномоченного, что конфискованные материалы не представляют никакой угрозы задачам обороны, и целью проделанной работы в условиях военного времени является в том числе и возможность восстановления исторических памятников в случае их разрушения, успеха, к сожалению, не возымели. В результате описания 120 памятников, точная фиксация их местоположения, форм, размеров, материала строений, состояния сохранности, а также графические наброски, записи народных сказаний и легенд с критическими замечаниями и другими сведениями оказались утраченными.

К целенаправленному обследованию архитектурных объектов горной полосы Бицаев вернулся только в 1945 г., хотя работа по учету и описанию объектов была возобновлена сразу же после освобождения республики в начале января 1943 г. В первую очередь обследованию подлежали памятники средневекового горского зодчества на территории районов, где шли боевые действия: Орджоникидзевском, Алагирском, Ардонском, Дигорском, Ирафском, Кировском и частично Правобережном. Одновременно были установлены отдельные памятные места боевых действий [10, 42-44об.].

К 1945, 1946 и 1949 гг. относятся экспедиции Бицаева соответственно в Махчешский (повторная), Садонский и Гизельдонский районы. Две первые (совместно с художником-фотографом В.И. Лакисовым) стали результатом совместной работы музея и управления по делам архитектуры при Совете министров СОАССР. Последняя (совместная с фотографом Г. Халялидзе) была проведена по заданию Управления по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров СОАССР.

В результате сплошного обследования древних могильников, склеповых сооружений, боевых, сторожевых, жилых башен и культовых сооружений в Махчешском районе за два месяца работы было сделано более двухсот зарисовок и фотографий и дано подробное описание этих объектов [13, 22-26об.]. По поводу экспедиции в Махчешском районе газета «Социалистическая Осетия» от 6 января 1946 г. писала: «Научная работа, приведенная экспедицией в Махчешском районе, имеет большое значение не только потому, что пополнит фонды Республиканского музея краеведения, но и потому, что будут сохранены фотографии, зарисовки и научное описание для будущих поколений» [14, 46-47].

Богатейший материал был собран в ходе экспедиций в Садонском и Гизельдонском районах. В Садонском районе было сделано более 150 рисунков с натуры и 200 фотографий, описано более 155 памятников средневековой горской архитектуры. Из более чем 1000 объектов на территории Гизельдонского района подробно было

описано более ста каждой типовой принадлежности. Из них 61 объект был взят на учет впервые. Сделано 150 снимков на 90 объектов [15, 97-110].

Проделанный Бицаевым титанический труд позволяет восполнить наши представления и воссоздать картину средневекового зодчества в горах Северной Осетии в начале XX в., а при сравнительном анализе описаний объектов культурного наследия – определить отдельные утраты и степень утрат в целом. Подробные описания, фотографии и зарисовки могут служить научным основанием современной реконструкции или восстановления отдельных объектов. Рабочие дневники, различного рода служебные записки и предложения, подробные описания объектов культурного наследия, снабженные обстоятельной вступительной статьей и статьями современных исследователей, посвященными сравнительному анализу историко-культурных объектов, могут быть изданы в сопровождении современного научно-справочного аппарата и научной биографии Г.В. Бицаева в знак признательности и уважения к его бескорыстному служению своему делу, а значит и своему народу.

Надо сказать, что обезличение музейной деятельности является одной из проблем современного музея. Анализ письменных источников Национального музея позволяет не только осмыслить опыт предшественников, но и воскресить забытые имена музейных деятелей, посвятивших свой талант и труд преданному служению музейному делу.

1. Архив Национального музея Республики Северная Осетия-Алания (АНМ РСО-А). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1481.
2. Ленин В.И. П. С. С. В 55 томах. М., 1967-1981. Т. 45.
3. АНМ РСО-А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1458.
4. Семенов Л. Краткий очерк музея краеведения СОАССР от его основания до 1927 г. // Музей краеведения Северной Осетии 1897-1947. Дзауджикау, 1947. С. 15-38.
5. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 121. Оп. 1. Д. 1.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 39. Оп. 1. Д. 11.
7. АНМ РСО-А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1460.
8. АНМ РСО-А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1416.
9. АНМ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13.
10. АНМ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16.
11. АНМ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15.
12. АНМ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.
13. АНМ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.
14. Кастуев А. Г. Краткий очерк Северо-Осетинского республиканского музея краеведения с 1927 года по 1947 год // Музей краеведения Северной Осетии 1897-1947. Дзауджикау, 1947. С. 39-84.
15. АНМ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21.

Dzadziewa, Elizaveta A. – Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania; liza.dzadziewa@mail.ru

PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE VIA WRITTEN SOURCES OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA (THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY).

Keywords: protection of cultural heritage sites, written sources of the National museum of the Republic of North Ossetia-Alania, legislative acts, personal sources, scientific expeditions on recording and restoring.

The article is devoted to the analysis of all-Russian and republican legislation acts and solutions and their implementation in the first half of the 20th century. It is written on the basis of the preliminary examination of the written fund of the National Museum of the Republic of North Ossetia-Alania. The analysis and characteristics of the written sources on this topic is just the first approach to the scientific processing and representation of the massive bulk of written sources kept at the museum, which have not been systematized or published. The abundant factual material, represented by the official and museographic sources and the sources of personal character will be introduced into scientific discourse in prospect, thus broadening the research field in the sphere of historical and cultural development of the Republic, the history of the museum studies and the museum world of the Republic in the person.

REFERENCES

1. *Arkhiv Natsional'nogo muzeya Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (ANM RSO-A) [Archives of the National Museum of the Republic of North Ossetia-Alania (ANM RNO-A)]. Fund 1. Inventory 2. Case 1481.*

2. Lenin, V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy v 55 tomakh* [Complete works in 55 vols]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1967-1981, vol. 45.

3. ANM RSO-A [ANM RNO-A]. Fund 1. Inventory 2. Case 1458.

4. Semenov, L. *Kratkiy ocherk muzeya kraevedeniya SO ASSR ot ego osnovaniya do 1927 g.* [Short essay on the Museum of Local History of North Ossetian ASSR from its foundation till 1927]. *Muzey kraevedeniya Severnoy Osetii 1897-1947* [The Museum of Local History of North Ossetia of 1897-1947]. Dzaudzhikau, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Severo-Osetinskoy ASSR, 1947, pp. 15-38.

5. *Tsentral'nyy Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (TsGA RSO-A)* [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 121. Inventory 1. Case 1.

6. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 39. Inventory 1. Case 11.

7. ANM RSO-A [ANM RNO-A]. Fund 1. Inventory 2. Case 1460.

8. ANM RSO-A [ANM RNO-A]. Fund 1. Inventory 2. Case 1416.

9. ANM RSO-A [ANM RNO-A]. Fund 1. Inventory 1. Case 13.

10. ANM RSO-A [ANM RNO-A]. Fund 1. Inventory 1. Case 16.

11. ANM RSO-A [ANM RNO-A]. Fund 1. Inventory 1. Case 15.

12. ANM RSO-A [ANM RNO-A]. Fund 1. Inventory 1. Case 17.

13. ANM RSO-A [ANM RNO-A]. Fund 1. Inventory 1. Case 19.

14. Kastuev, A. G. *Kratkiy ocherk Severo-Osetinskogo respublikanskogo muzeya kraevedeniya s 1927 goda po 1947god* [Short essay on the North Ossetian Museum of Local History from 1927 till 1947]. *Muzey kraevedeniya Severnoy Osetii 1897-1947*. The Museum of Local History of North Ossetia of 1897-1947. Publishing house of North Ossetian ASSR. Dzaudzhikau, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Severo-Osetinskoy ASSR, 1947. pp. 39-84.

15. ANM RSO-A [ANM RNO-A]. Fund 1. Inventory 1. Case 21.